

Леонид Бежин — прозаик, востоковед, переводчик, автор книги по средневековой китайской культуре, а также нескольких сборников повестей и рассказов. Большой резонанс вызвали опубликованные в последнее время в журнале «Новый мир» и «Знамя» повествования об Александре I — «Усыпальница без праха» и о Данииле Андрееве — «Смотрение тайн, или Последний рыцарь Розы».

ДУХОВНОСТЬ и демократия?!
Ну, уж извольте... Мы, так сказать, признаем за демократией некое право на то, чтобы сочетаться со свободой, прогрессом и прочими достижениями либерального гуманизма, но с духовностью у ваших демократов брак невозможен. На сию невесту вы и не посягайте — в православной России у нее издавна был куда более серьезный, основательный и почтенный жених. Консерватизм, милостивый государь, исконный русский консерватизм — именно он брал под руку и вел к венцу! Демократы же ему не соперники, потому что он Бога боится, царя чтит, Отечество служит, и народ его за это уважает!..

Столкнувшись с подобной логикой, так и угадываешь рядом с собой рослую, широкоплечую, представительную фигуру в чесучовой тройке, висющую на локте трость, серебряную цепочку, ниспадающую из жилетного кармана, гладкую, расчесанную, слегка раздвоенную бородку, так и слышишь скрип кожаных ботинок, постукивание папирсы о крышку портсигара, раскатистый смех. Таков мой воображаемый оппонент, почти не изменившийся с тех времен, как обозначились первые попытки соединить духовность с демократией. Он и сегодня в тройке, и бородка раздвояна, и цепочка из кармана свисает.

Очень уж мила ему эта форма русского консерватизма: хотя сам он никакой не консерватор, а бывший коммунист с двадцатилетним стажем, и те, кто его до сих пор поддерживает, держат в руках не иконы Спасителя и Приснодевы, а жалкие бумажные портретики вождей, некогда отрешившихся от Бога, свергнувших царя и разоривших Отечество и православный народ. Парадоксально? Да, парадоксально и загадочно, как и все в сегодняшней России, уязвленной на перепутье трех дорог — демократической, консервативной и неоконмунистической и потирающей в закорючанном пространстве между прошлым и будущим.

Тут-то и начинается моя печальная повесть о демократии и интеллигенции...

И пролог к этой повести — октябрьские события в Москве. Вот я раскрываю записную книжку, с которой ходил по центру четвертого октября: «на новом Арбате слышны автоматные очереди... снятые с рейсов автобусы — к окнам прижаты щиты ОМОНа и МВД... тут же в подземном переходе продают щенков... у здания Румянцевской библиотеки — танки и бронетранспортеры... из бронетранспортера передают водителю военного грузовика кусок спелой дыни... Тверская перегорожена грузовыми фургонами, из всех магазинов работает только булочная... с балкона Моссовета объявляют о последних новостях из Белого дома... все ждут митинга... в церкви Космы и Дамиана священник читает молитву: «Господи, прости грехи России!» В конце своих записей за четвертое, пятое и шестое октября я пометил: «Чудесные золотые осенние дни». И — «ощущение еще более гнетущее, чем во время первого путча».

В книжку я наскоро заносил то, чему был свидетелем сам, но дальше Садового кольца меня не пустили. Остальное видел по телевизору — и призывавших брать штурмом мэрию и Кремль, и обстрел Белого дома. Что же после?

Врезалось в память, как

ночью плакал алкоголик за стенкой, сторонник Ручко и Хасбулатова (у нас почти весь подъезд — «сторонники»), — плакал, с горечью повторяя: «Все кончилось! Все пропало!» И запомнилась кухонка моих близких знакомых — чай, бутерброды, битком гостей и разгвор, конечно же, об октябрьских событиях и о Ельцине, в поддержку которого я высказался... Высказался — и остался почти в одиночестве. Тут-то я и почувствовал, что интеллигент (из студентов он или профессор — не столь важно) порвал с наскучившей ему демократией после почти десяти лет их тайного сожительства.

Да, да, у нее дома жил, под ее атласным одеялом спал, ее пироги ел, ее орехи щелкал, но порвал, каналья, так и не ре-

морфозах в обратную сторону, тем более знаменательных, что это не только метаморфозы от центра вправо, но и от крайне левых прямехонько — к крайне правым взглядам. Наверное, и в этом есть что-то личное, иначе не объяснишь, как некий писатель, который был чудовищным символом западничества, проповедовал иступленный индустриальный романтизм, самозабвенно воспевавший технократию и заслужил прозвище «соловей генштаба», — теперь стал таким же чудовищным символом «низового» славянофильства, урапатриотизма махровой реакции и возглавил газету мнимой духовной оппозиции, а другой писатель, некогда кусавший материнскую грудь вскормлившей его комсомольской организации и разоблачавший советскую бюрократическую систему, одним из первых написавший о дедовщине в армии, теперь тоскует об этой системе (надеюсь, все же не о дедовщине) и сотрудничает с крайне правыми, мнимыми духовными изданиями.

Все это, повторяю, слишком

лают его выразителем нежданного, «анонимного» христианства (наряду с официальным и катанкомным — форма существования христианства в атеистическом обществе).

О чем свидетельствуют такие метаморфозы? Только об одном... А ну-ка подсчитаем: на наших глазах сменилось три поколения демократов. Перестройку «готовили» публицисты (Шмелев, Селюнин и др.), затем к ним на правах официальных экспертов присоединились академики (Шаталин, Абалкин и т. д.), но реальную реформу начали прагматики во главе с Гайдаром. При всей несогласованности их действий, при всех различиях меж ними все они, думаю, были идеалистами — в том смысле, что так или иначе служили демократической идее. И вот Гайдар подал в отставку, идеалисты изгнаны, зато явилось четвертое поколение — чиновники, а с четвертого, как подтверждает история, и вырождается любая реформаторская идея.

Да, да, мельчится, опошляет-

Со своей колокольни

Труд - 1994. - 11 мая - 97.

ПЕРЕПУТЬЕ

Интеллигенция отказывается от демократической идеи?

шившись сделать ей предложение. Иными словами, попользовавшись демократическими свободами, наша интеллигенция — или, скажем осторожнее, некая ее часть — легко предаст демократию. Предаст потому, что демократия ей практически не угодила, интеллигент же у нас великий практик — не зря же в Евангелии сказано, что «сыны века сего догладивее сынов света в своем роде». Какой же сын века потерпит, чтобы обратили в прах его скрудные, но законные сбережения (у меня самого было десять тысяч на книжке, и я считал себя богачем), потерпит такой политический разлад и экономический раскварад! Не угодила же практически — значит, прощай идея!

В этом главная мысль моей повести — интеллигенция сейчас не просто критикует демократов (их есть за что критиковать), но отказывается от самой демократической идеи. Иначе чем объяснить поразительные метаморфозы, происходящие на моих глазах? Чтобы быть до конца честным, скажу сначала о собственной метаморфозе — метаморфозе центриста, который некогда пытался объективно учитывать противоположные точки зрения, но с тех пор, как «русская идея» в высоком понимании Соловьева, Розанова, Булгакова, Ильина, Шестова была занижена до уровня мордатого лавочника в картузе и поддевке, сдувающего пену с пивной кружки, слывающего на мостовую шелуху подсолнухов и призывающего к еврейским погромам, славянофильство же непостижимым образом сомкнулось с неоконмунизмом, — я эту точку зрения учитывать перестал. Уверен, что «русская идея» найдет себе в будущем иных выразителей, об этих же вспомню с безразличностью и догадой. Уверен (и это не радужные мечтания), что духовность и демократия обнимутся, как родные сестры, и мир вступит наконец в то светлое время, которое пророчески предрекали лучшие умы России.

...Такова моя метаморфоза, обусловленная отчасти и личными причинами — иными словами, тем, что я лучше узнал людей. Теперь упомянем и о мета-

личное — из разряда того, в чем можно оправдаться лишь перед самим собой. Перед другими не оправдаешься, потому что другой тебя непременно спросит, а как же, братец, принципы, позиция, мировоззрение? Что ты ему на это? «Я против развала!» Но ведь и Ассирийская держава рухнула, потому что держалась на крови, — что же ее теперь восстанавливать? История имеет свои законы, а если тебе материнского молока не хватает, — ты уже взрослый, организм у тебя окреп, — потерпи немного! Взгляды-то менять сразу не стоит — еще пригодятся! Нельзя совсем-то без взглядов, без принципов, без мировоззрения. Пропадешь.

Уж лучше изначально не иметь никакого мировоззрения — тогда можно, наезжая из Парижа, проповедуя сексуальную свободу и наводняя книжный рынок порнографическими романами, выступать на митингах «Трудовой России». Выступать — и славить «Союз нерушимый» перед ожесточенными старинами с потерянными орденскими планками и растерянными тетками с пустыми кошачьими сумками. Достойнее было бы наоборот: в романах — славить, а перед старинами и тетками — проповедовать. Только за такие проповеди старина и тетка, пожалуй, и бока намяли бы. Но, к счастью, романы они не читают, речи же доверчиво слушают — вот и ври им напропалую: авось проглотят...

Однако хватит о личном — поговорим об общественном, или, иными словами, об обратных метаморфозах тех, кто, не изменяя собственному мировоззрению, все же соскальзывает от центра вправо. Сергей Есин, автор незабываемого «Имитатора», некогда клявшийся именем Сахарова, печатавшийся в «Новом мире» и «Знамени», теперь носит рукописи в «Наш современник». Руслан Киреев, автор незабываемого «Победителя» (и, кстати, уважаемой газеты «Труд»), сначала увлекший меня идеей нового, изначально отсутствовавшего в России парламентского (на английский манер) консерватизма, недавно резко выступил в «Новом взгляде» против Мстислава Ростроповича, не распознав в его поведенческой символике той совестливости и жертвенности, которые де-

ся, чахнет и глохнет — собственно, это сейчас и происходит, а поэтому чего нам ждать в будущем? Будет у нас и гражданский мир, и материальный достаток, и товары на прилавках, и профессиональный парламент — только идеи не будет, и виноват в этом ты, интеллигент! Виноват, как ни оправдывайся.

Познакомился ты с двумя красавицами сестрами — духовностью и демократией, стал бывать у них в доме, чай пить из самовара, пироги да блины есть, разговоры вести. От старшей — статной, чернوبرовой — духовности ты сразу отвернулся: слишком умной тебе показалась, слишком загадочной, даже как бы отрешенной (все посты и молитвы) и к тому же не слишком потакала твоим капризам, не слишком позволяла гордость выплывать, хотя не то чтобы осаживала, а мягко тебя жалела. Ты же так-то жалости к себе не терпишь — потому-то и выбрал младшую сестру, демократию: с ней попроще. Поначало все складывалось у вас неплохо — ты ей цветы дарил, конфетами угощал, на маскарады возил, ласковые слова шептал на ухо, но как только доверилась она тебе и душой и телом, ты ее бросил. Бросил — и в другие дома теперь ездишь...

Только счастья своего без демократии все равно не найдешь — так и останешься бездомным холостяком. Из других домов тебя скоро за дверь выставляют — там другие женихи нужны. Там невесты с норовом, и им подавай женихов побогаче и посolidнее, а ты хоть и догадлив, но по-мелкому. И солидного капитала никогда не заработаешь. Вот и будешь свой век куковать в одиночку: твоя злая мачеха, тоталитарная система, скоро умрет, детей у тебя нет, и, когда наступят новые времена, никто о тебе не вспомнит. Проиграл ты, бездомный холостяк, поэтому и повесть о тебе — последняя...

Леонид БЕЖИН.